ные факты, складывающиеся в определенный архетип и обнаруживающие архаическую основу этого образа. Основные элементы этого микросюжета таковы: на Вёлунда нападают воины Нидуда, когда его охватил сон, и он лишен воли [... hann sofnaði, oc hann vacnaði vilia lauss (Vkv. 11)], он претерпевает физические страдания: vissi sér á hǫndom hǫfgar nauðir / enn á fótom fiǫtur um spenntan (Vkv. 11) «знал, что у него на руках тяжелые оковы, а на ногах узы натянуты». Коварство Вёлунда и его изощренная жестокость проявляются в том, что он обесчестил Бёдвильд и зверски убил ее братьев, сделав из их черепов чаши для Нидуда. Смех Вёлунда (Hlæiandi Vǫlundr hófz at lopti (Vkv, 38) «Смеясь, Вёлунд поднялся в воздух») подчеркивает его глумление над Нидудом и полную безнаказанность. Мотив опьянения и соблазнения девы отмечается во всех версиях сказания. Кольцо Вёлунда, рассматривавшееся как композиционный прием, позволяющий связать две части сказания (о девах-валькириях и об истории с Нидудом), уместно считать любовным символом. Мотив изменения поведения и сущности реализуется в разительном контрасте между Вёлундом, плененным, беспомощным, униженным в начале и совершившим месть, торжествующим и свободным в конце. Жертвоприношение напоминает расчленение Вёлундом сыновей Нидуда, в результате этого акта Вёлунд до конца обнаруживает свою «змеиную» природу, возвращается к исходному хтоническому состоянию.

Существеннейшее отличие Вёлунда от Одина состоит в том, что они воплощают различные аспекты существования: активный и положительный, «космический» (Один) и пассивный, отрицательный, «хаотический» (Вёлунд). Один расчленяет тело великана Имира ради космизации вселенной, он захватывает мед поэзии, ему не принадлежащий, и делает его достоянием богов и людей, Вёлунд же владеет богатствами, возвращает себе имущество, а убийство сыновей Нидуда возвещает наступление стихии хаоса. Основополагающая для мифопоэтической модели мира оппозиция ‘космос — хаос’ размещает Одина и Вёлунда на противоположные позиции.

Однако различия между Одином и Вёлундом никоим образом не должны заслонять их глубинного сходства. В результате анализа германского материала обнаруживается значительная конгруэнтность между комплексом элементов, конституирующих образы Одина и Вёлунда. Вполне правомерно заключение об изоморфизме некоторых мотивов, весьма актуальных по отношению к обоим персонажам. Более того, древнегерманские данные убедительно свидетельствуют о том, что многие черты структуры Вёлунда проясняют сущность Одина, главным образом его наиболее архаичные «ванические» признаки, указывающие на выполнение этим богом и третьей функции по классификации Дюмезиля. Иными словами, изучение древнегерманских фактов способствует вычленению ряда самых древних компонентов в природе Одина, отличающейся гетерогенностью и объединением нередко противоречивых мотивов, демонстрирует его исходный мифопоэтический локус.

В целом справедливо утверждение о существовании семантического комплекса, кодируемого и.-евр. *ǫel-, в древнегерманской традиции и о распределении его ядра между Вёлундом и Одином с последующей дифференциацией их функций. Реконструкция мифопоэтической основы Сигурда, героя «одинического» типа, свидетельствует о транспонировании соответствующих представлений в героическом эпосе, служит связующим звеном между мифологическим и героическим полюсами и создает непрерывность в развитии мифопоэтической традиции, иллюстрирует действие архетипов на протяжении столетий.